

РЕЦЕНЗИИ

Peter Švorc, *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*, wyd. Universum, Prešov 2003, 424 s.

Нынешняя Закарпатская область Украины, называемая Подкарпатской Русью или Закарпатской Украиной, – это регион с необычайно яркой историей. Сейчас это наиболее выдвинутая на запад часть украинского государства, граничащая с Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией. В XX веке данная территория была важным местом на геополитической карте Центрально-Восточной Европы. Мало какое пространство в Европе так часто меняло свою государственную принадлежность в прошлом столетии, как Закарпатье.

Работа *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*, написанная словацким историком, профессором Прешовского университета Петером Шворцем, в значительной степени углубляет знания о регионе, который занимал существенное геополитическое положение и играл важную роль в Центральной и Восточной Европе в межвоенный период. Автор затрагивает значимую тематику сосуществования и взаимоотношений двух наций, населяющих общую территорию на стыке нынешней Словакии и Украины.

До конца первой мировой войны Подкарпатская Русь, как и вся Словакия, принадлежала Венгрии. С национальной точки зрения словацко-русинское пограничье было одним из наиболее неоднородных регионов государства Короны св. Стефана. Кроме русинов и словаков, большую группу составляли здесь венгры и евреи. Кроме них, существовали несколько меньшие группы немцев, а также цыган и поляков. У самих русинов в начале XX века не было выкристаллизованного, цельного

национального самосознания. Они населяли прежде всего северную, гористую часть страны, удаленную от культурных и политических центров. Цепь Карпат отделяла русинское население от влияния украинской культуры, поэтому украинское национальное сознание начало распространяться в этом регионе лишь в межвоенный период. Ранее в среде русинской элиты господствовало убеждение, что русины являются частью великого русского народа, населяющего территории от Камчатки и до вытекающей из словацких Татр реки Попрад. Имеющая панславистские корни идея национальной общности с русскими с течением времени уступила новой, согласно которой русины должны были бы составлять четвертую (после русских, украинцев и белорусов) группу восточных славян. Следует заметить, что эта концепция все еще жива и является предметом критики со стороны украинских кругов.

В конце первой мировой войны интерес к Подкарпатской Руси проявляли чехи, румыны, а также галицийские украинцы, связанные с правительством Западно-Украинской Народной Республики. В силу положений, принятых на Парижской мирной конференции, этот край стал частью чехословацкого государства. Так было до марта 1939 г., когда объединенные идеей независимости украинские круги, следуя примеру Словакии, объявили о создании самостоятельной Карпатской Украины. Это было самое недолговечное государство в Европе. Через три дня вся территория Карпатской Украины была занята Венгрией. После второй мировой войны территории бывшей Подкарпатской Руси были включены в состав Советского Союза. В наши дни многие пожилые жители Закарпатской области могут похвастаться тем, что на протяжении своей жизни успели побывать гражданами Чехословакии, Венгрии, Советского Союза и Украины, не покидая при этом своего места жительства.

Петер Шворц написал работу не только исторического или политического характера. Это более широкое, межпредметное исследование. Книга вообще является чем-то большим, чем только попыткой представления проблематики определения границы между Словакией и Подкарпатской Русью в географическом и политическом смысле. Автор попытался проанализировать процесс образования словацкого и русинского этногеографического пространства до 1939 г. При этом следует заметить, что термин «русин» в словацкой научной терминологии имеет как этническое, так и национальное значение.

Это понятие, определяющее этническую общность восточных славян, населяющих гористые территории Карпат, от реки Попрад на западе, через Низкий Бескид и Бещады в Польше, территорию украинского Закарпатья, по северо-западную часть Румынии и северо-восточную Венгрию. В силу различных исторических, социальных, экономических и политических причин это население на территориях, на которых проживало, не составляло и не составляет безусловного большинства (за исключением украинской части), имея общую землю со словаками, поляками, венграми, румынами, чехами, немцами и евреями. Таким образом, слово «русин» является словацким соответствием названия представителя происходящих с северных, польских склонов Карпат лемков (Низкий Бескид), бойков (Бещады) или имеющих корни в старой Восточной Галиции гуцулов. Ныне в соответствии со словацким законодательством русины представляют собой отдельную, признанную государством нацию, что является иногда причиной недоразумений и ссор с русинами, декларирующими свою принадлежность к украинской национальности¹.

Автор поставил перед собой высокую исследовательскую цель. До сих пор сложно говорить об однородном географическом пространстве, населенном русинами, чувство национальной принадлежности которых постоянно колеблется между автономистским и украинским направлениями, подвергаясь к тому же естественным процессам словакизации². Дополнительной трудностью для исследователя данной темы является конфессиональная проблема. Большую часть русинского населения составляют греко-католики (остальная часть – это прежде всего православные). Однако среди словаков, населяющих словацко-русинское пограничье, большой процент составляют также исповедующие католицизм восточного обряда.

Первые попытки определения словацко-русинской границы не исходили от политиков. Венгерские власти после начала первой мировой войны не проявляли особого интереса к этой проблематике, поскольку не принимали близко к сердцу

¹ Шпире см.: A. Mušinka, *K niektorým otázkam demografického vývoja Rusínov-Ukrajincov východného Slovenska* // E. Babotová, J. Kredátusová (ed.), *Slovensko-ukrajinské vzťahy v oblasti jazyka, literatúry, histórie a kultúry*, Prešov 2003, s. 357-364.

² Шпире см.: *Sebareflexia postavenia a vývoja Rusínov na Slovensku. Niektore výsledki etnosociologického výskumu na severovýchodnom Slovensku v roku 2002*, Prešov 2002.

автономистские лозунги, выдвигаемые прежде всего словаками. В самой же Подкарпатской Руси автономистские идеи практически не звучали. Это было связано с цивилизационной отсталостью данного региона, в котором элиту составлял греко-католический клир, в абсолютном большинстве своем лояльный по отношению к Будапешту. Отсюда голоса, требующие изменения политического статуса русинов, начали сильнее звучать лишь в период первой мировой войны, главным образом, среди русинской диаспоры в Соединенных Штатах. В течение многих лет XIX и начала XX века как исследованием состояния сознания и национальной и этнической идентификации населения словацко-русинского пограничья, так и определением границы между данными группами в основном интересовались ученые – языковеды, этнографы, а также историки. Проблеме научного изучения словацко-русинского пограничья Петер Шворц посвятил первую часть своей книги, вдумчиво анализируя работы словацких исследователей (языковедов Самуэля Чамбела и Йозефа Шкультеты, историка Штефана Мишика) и сопоставляя их с работами русских ученых (слависта и этнографа Измаила Ивановича Срезневского, историка Алексея Леонидовича Петрова), а также чешского этнографа и антрополога Любора Недерле.

В продолжении книги автор анализирует проходящий в восточной Словакии и Подкарпатской Руси процесс становления национального самосознания. В границах венгерского государства данный процесс шел медленно, что было связано, в частности, с политикой Будапешта, направленной на мадьяризацию региона. Отсутствие явной национальной ориентации среди его жителей сопровождалось развитием идеологии венгерского патриотизма, без изменения национального или культурного облика. Поэтому определенную поддержку получили тезисы о местном народе, автономном по отношению к словакам на западе и украинцам на востоке. Сторонники этого же взгляда стояли чаще всего на лояльных позициях в отношении к венгерским властям. Такие тенденции были особенно сильны среди русинов, которые называли себя «руснаками». В межвоенный период, когда Подкарпатская Русь оказалась в составе Чехословакии, произошел открытый конфликт между сторонниками теории отдельной русинской нации и приверженцами украинского направления. В восточной Словакии меньшей популярностью пользовались лозунги об отдельно-

сти восточных словаков от населения остальной части страны. Однако такие явления имели место. Часть жителей считала себя «словьяками», близкими западным словакам, но отдельной нацией. Эти идеи, однако, никогда не имели сколько-нибудь широкого влияния на все местное население. Тем не менее, здесь следует обратить внимание на дифференциацию процесса формирования национального сознания между жителями западной и восточной Словакии. На эту проблему указал словацкий исследователь Петер Шолтес в неучтенной Шворцем статье, касающейся специфики формирования национальной идентификации в восточной Словакии на пороге современности³. В своей работе Шолтес отмечает, что соседство с восточной конфессиональной и культурной средой приводило к замедлению развития в сознании чувства отдельности словаков в отношении других этнических групп. Иначе обстояло дело на западе Словакии, где близость относительно высокоразвитой культурно чешской и немецкой общественности стимулировала развитие национального самосознания западных словаков.

Процесс развития политического сознания, особенно среди русинов, наиболее динамично проходил среди их представителей-эмигрантов в Соединенных Штатах. Петер Шворц справедливо отводит этой проблеме особое место в отдельных разделах книги. Именно в Америке, в Питтсбурге, в июле 1918 г. при участии будущего президента Чехословакии Томаша Масарика был подписан договор между чешскими и словацкими деятелями, предусматривающий объединение обоих народов в одном государстве. Американские круги русинов в Скрантоне (штат Пенсильвания) в ноябре 1918 г. приняли решение об образовании общего с чехами и словаками государства. Будущее государство чехов, словаков и русинов должно было напоминать федерацию автономных стран. Отсюда возникла необходимость определения границ между Словакией и Подкарпатской Русью.

Переговоры, касающиеся определения границы, были начаты во время Парижской мирной конференции в 1919 г. Русинскую сторону в переговорах представлял Григорий Жаткович, молодой юрист, принадлежащий к Американскому

³ P. Šoltés, *Špecifická formovania národnej identity na východnom Slovensku na prahu modernej doby* // M. Daniš (ed.), *Štúdie z dejín baníctva a banského podnikania. Zborník k životnému jubileu Mariána Skladaného*, Bratislava 2001, s. 84-100.

национальному совету венгерских русинов. По русинскому сценарию переговоры не получились, ибо он требовал присоединения к своей стране большей части восточной Словакии вплоть до реки Поппрад. Это был регион, населенный, по тогдашним переписям (не признаваемых русинскими руководителями), более 900 тыс. человек, из чего русины составляли 10%.

В ноябре 1919 г. пражские власти издали Генеральный устав для Подкарпатской Руси, в котором определили словацко-русинскую демаркационную линию. Граница должна была начинаться от местности Чоп, которая вместе с важным железнодорожным узлом, соединяющим Венгрию, Румынию и Польшу, осталась на словацкой стороне, проходить через северную часть Ужгорода и далее вдоль реки Уж к склонам Карпат. Регион, расположенный на восток от установленной линии, был признан русинской автономной территорией. В 1920 г. была произведена небольшая коррекция границы, которая передвинулась на пару километров на запад. Благодаря этому в состав Подкарпатской Руси вошли два небольших города – Перечин и Великий Березный.

В апреле 1920 г. чехословацкие власти ввели поправки в Генеральный устав, в силу которых во главе края должен был стать губернатор. Вскоре пост губернатора занял прибывший из Америки Жаткович. Регион, управляемый им, таким образом, не включал восточную Словакию, к которой в последующие годы оппозиционные русинские политики предъявляли ряд претензий, высывая, в частности, жалобы на центральное пражское правительство в Лигу Наций. Подкарпатская Русь занимала неполных 15 тыс. км² и была населена 700 тыс. с лишним жителей (из чего более 60% составляли русины). Несмотря на обещания, здесь не была введена автономия и не были проведены выборы в местный сейм⁴.

Рассматривая проблему границы, а также политические и административные вопросы в Подкарпатской Руси в первой половине 20-х гг., Петер Шворц опирался на редко использовавшиеся до сих пор архивные материалы, хранящиеся прежде всего в Праге, а также статистические издания и правовые источники Чехословакии того времени.

⁴ Подобно тому, как это имело место в случае Словакии, автономия Подкарпатской Руси была одобрена чехословацким парламентом лишь в 1938 г.

Далее в работе автор представил результаты исследований русинско-словацкого пограничья, произведенных этнографом Яном Гусеком, сопоставляя их с работами русинского историка, публициста и греко-католического священника Миколая Бескида.

В следующих частях книги описана политическая сцена Подкарпатской Руси и отношение отдельных группировок к проблеме границы в 20-е и 30-е гг. Автор очертил также позицию словацких политиков и политических кругов по отношению к этой проблеме, а также центральных пражских властей с учетом роли президента Эдварда Бенеша. Несколько меньше места посвящено в работе проблеме роли украинских кругов в их стремлении к автономии Подкарпатской Руси, а также деятельности автономного правительства о. А. Волошина в 1938 г. Следует отметить, что украинские политические круги также требовали пересмотра границы со Словакией. 1938-1939 гг. представляют собой самый важный момент в истории этого региона. Проблема Подкарпатской Руси и восточной Словакии имела в то время международный характер. Подобно словакам, украинцы тоже обратились к Германии с просьбой о поддержке своих стремлений к независимости. Вначале Третий рейх поддержал украинскую сторону, но затем Гитлер позволил венгерским войскам аннексировать Карпатскую Украину, которая 15 марта 1939 г. объявила независимость. Несколько дней спустя этот край был целиком захвачен Венгрией. Таким образом осуществились совместные польско-венгерские планы образования общей государственной границы, что должно было укрепить союз между Варшавой и Будапештом. Польская Республика в течение всего межвоенного периода с беспокойством наблюдала за событиями в Подкарпатской Руси. Польские политики считали этот регион чехословацким коридором на восток, через который каждую минуту могло осуществиться советское нападение на Польшу. Кроме того, в Варшаве с беспокойством следили за нарастанием в этом районе украинских национально-освободительных тенденций, которые усиливали антипольские настроения в принадлежащей Польше Восточной Галиции. В связи с этим в конце 30-х гг. Подкарпатская Русь стала также объектом интереса польских ученых, которые внимательно изучали преобладающие в этом регионе национальные отношения. В научных статьях и анализах обращалось внимание на то, что неустойчивость словацко-русинской

(украинской) границы могла представлять собой зародыш будущих этнических конфликтов⁵.

Дата, завершающая работу Петера Шворца, – это 1939 год. Однако споры вокруг пограничья не утихли. Вскоре после разгрома Карпатской Украины Венгрия решила расширить занятую территорию за счет восточной Словакии. Между обоими государствами возник кратковременный вооруженный конфликт, названный словацкими историками «малой войной»⁶. Своей заинтересованности в этих землях не скрывал также Советский Союз, армия которого вошла в Подкарпатскую Русь осенью 1944 г. На занятых территориях новые власти приняли манифест об объединении Закарпатья с советской Украиной⁷. С 1945 г. словацко-русинская граница стала государственной границей между Чехословакией и Советским Союзом. В результате коррекции границы Советский Союз получил, кроме того, почти 200 км² вместе с железнодорожным узлом в городе Чоп. Власти СССР пытались регулировать взаимоотношения в среде населения на занятых территориях. Под влиянием советской пропаганды часть русинского населения с территории восточной Словакии добровольно выехала в Советский Союз, заняв место потомков чешских колонистов, возвращающихся с Волыни. Однако большая часть осталась в родном краю. По другую сторону границы остались также группы словацкого населения, проживающего прежде всего в сельской местности под Ужгородом. Поэтому этническая проблематика словацко-украинского пограничья жива до сих пор.

Работа словацкого исследователя заслуживает высокой оценки. Ее особым достоинством является междисциплинарный характер. Затронутая исследовательская проблема требовала представления многих ее аспектов – этнографического, конфессионального, политического и даже правового, в рамках единого исторического пространства. Автор прекрасно справился с этой задачей, что видно уже по богатой, многоязычной библиографии книги. Работа написана тщательно и показывает позиции всех сторон, принимающих участие в спорах,

⁵ См., в частности: J. Reychman, *Pogranicze etniczne slowacko-ruskie* // „Sprawy Narodowościowe”, R. XII, nr 6, Warszawa 1938, s. 589-607.

⁶ L. Deák (zost.), *Malá vojna (Vojenský konflikt medzi Maddarskom a Slovenskom w marci 1939)*, Bratislava 1993.

⁷ Шире см.: F. Němec, V. Moudrý, *The Soviet Seizure of Ruthenia*, Toronto 1955.

которые касались установления межгосударственной границы. Это свидетельствует о высокой степени объективности автора. Дополнительным достоинством публикации является ее хорошее полиграфическое оформление. Она содержит много изобразительного материала – фотографий, репродукций воззваний, распоряжений, заголовков работ и прежде всего географических карт, что в такого типа работах очень важно.

Определение границы этнического пространства украинского – русинского населения на стыке этнических пространств других народов является проблемой, далеко выходящей за пределы тематики словацко-украинских отношений. Остается надеяться, что книга Петера Шворца вызовет желание исследователей также из других государств (Польши, Венгрии и, прежде всего, Украины) более интенсивно изучать эту сложную, но необычайно интересную область знаний.

Дариуш Домбровски

Ricardo Gomez, *Negotiating the Euro-Mediterranean Partnership. Strategic Action in EU Foreign Policy?*, Ashgate Publishing Limited, 2003, 209 p.

Сотрудничество Европейского Союза с государствами, расположенными вдоль южного побережья Средиземного моря, претерпело существенные изменения в ходе девяностых годов прошлого столетия. С одной стороны, начало интеграционных процессов между членами ЕС и государствами Центральной и Восточной Европы, заставило Евросоюз по-новому подойти к определению отношений, связывающих их с южными соседями. Преимущественный интерес ЕС к посткоммунистическим государствам вызвал обеспокоенность у прежних партнеров Евросоюза, что, в свою очередь, потребовало реакции со стороны входящих в ЕС государств. С другой стороны, проблема безопасности Европейского Союза, приобретающая с течением времени все большее значение, потребовала от государств-членов ЕС выработки долгосрочной концепции в отношении государств Северной Африки и Ближнего Востока. После многочисленных консультаций и переговоров была выработана особая модель сотрудничества: средиземноморское партнерство, в основе которого лежат конвенции о присоединении, заключенные государствами-членами ЕС с их южными

соседями, программа финансовой помощи (*MEDA*), а также декларация о многостороннем политическом, экономическом и культурном сотрудничестве, так называемая Барселонская декларация, подписанная в 1995 г.

Развивающееся в течение вот уже почти десяти лет сотрудничество является предметом многочисленных исследований, авторы которых так или иначе пытаются выявить причины относительно незначительных результатов, достигнутых в рамках средиземноморского сотрудничества. Сотрудничество ЕС с не входящими в его состав государствами, расположенными в бассейне Средиземного моря, подвергается широкой критике, а выдвигаемые претензии касаются едва ли не каждого из его аспектов. Кроме того, процесс заключения, а впоследствии и воплощения в жизнь конвенций о присоединении, остается и сегодня незавершенным, что заставляет поднимать вопрос об эффективности переговорной деятельности, проводимой Европейским Союзом. Финансовые средства, предназначенные для средиземноморских государств, используются лишь в небольшой части, оставляет желать лучшего и эффективность их расходования. Однако самая серьезная претензия, связанная с политическим аспектом сотрудничества, касается нерешенности конфликта между Израилем и Палестинской автономией, что, по крайней мере отчасти, свидетельствует о слабости Европейского Союза в решении международных конфликтов. Рикардо Гомез рассматривает средиземноморское партнерство как *case study*, частный случай в отношениях Европейского Союза с третьими государствами. На основе анализа процесса выработки договоров о присоединении автор пытается найти ответ на вопрос: способно ли ЕС выработать однозначную позицию в сфере внешней политики. Способны ли государства-члены ЕС достичь согласованного мнения по поводу долгосрочной стратегии в отношении с третьими странами? Развивая эту мысль, автор выдвигает тезис, согласно которому средиземноморское партнерство является доказательством того, что ЕС способно создать стратегию внешней политики, однако отсутствуют убедительные доводы в пользу того, что государства-члены ЕС способны воплотить стратегические задачи в конкретные эффективные действия.

Пытаясь обосновать справедливость данного тезиса, автор утверждает, что способность к выработке стратегической позиции с последующей ее практической реализацией государ-

ства-члены ЕС демонстрируют в рамках I (экономического) блока вопросов. Таким образом, активная (противоположная реактивной) внешняя политика реализуется скорее Европейскими (экономическими) сообществами, а не ЕС как таковым в рамках II блока вопросов, включающего Общую внешнюю политику и политику безопасности. Это означает, что внешнюю политику ЕС определяют в значительной мере экономические отношения. С учетом сложившейся ситуации, Гомез предлагает рассматривать действия Европейского Союза, предпринимаемые в рамках обоих блоков вопросов, в их совокупности. Разделение международного экономического сотрудничества и внешней политики в ее традиционном понимании, т.е. как политики, сосредоточенной на решении проблем, связанных с безопасностью, автор считает не только лишенным оснований, но и анахроничным. Принятие данной точки зрения, в свою очередь, влечет за собой ряд выводов. Прежде всего, стратегические действия ЕС преследуют цель построения системы «мягкой безопасности» (*soft security*), это значит, что Европейские сообщества используют свое экономическое преимущество и пытаются, базируясь на нем, повысить уровень безопасности в странах средиземноморского региона. Более того, автор предполагает, что действия, осуществляемые ЕС в рамках обоих блоков, взаимно дополняют друг друга. Использование инструментов экономического сотрудничества служит достижению политических целей, определенных в концепции Общей внешней политики и политики в сфере безопасности. Наконец, рассмотрение экономического сотрудничества как исходного пункта для политических шагов имеет важное значение для методологии исследований, поскольку требует концентрации на действиях Еврокомиссии, представляющей Европейский Союз в переговорах с третьими государствами.

Поскольку исследование касается средиземноморского партнерства – формы сотрудничества, выработанной в середине 1990-х гг., автор дает анализ ситуации, сложившейся 30 лет назад, в ходе обсуждения так называемых конвенций о присоединении первого поколения. Исторический очерк, посвященный многочисленным раундам переговоров, главной целью которых было придание политической окраски торговле сельскохозяйственной продукцией, объясняет причины первых неудач при выработке единой стратегии Европейских сообществ в отношении данного региона. Автор показывает,

что центральным элементом развития отношений Сообществ с государствами Северной Африки было сотрудничество в области торговли, причем немаловажное значение имели устоявшиеся импортно-экспортные связи, являющиеся наследием колониальной системы. Очевидно более слабая позиция государств, не входящих в ЕС, в ходе переговоров привела к тому, что эти государства способны были только одобрять решения, предлагаемые Сообществом. Консерватизм государств-членов, особенно если речь идет о защите сельскохозяйственных рынков, привел к тому, что заключаемые конвенции о присоединении закрепили схему сотрудничества богатого Севера с бедным Югом. С другой стороны, в результате Сообщества оказались перед лицом противоречия: согласование интересов производителей с обеспечением доступа на рынки государств, не являющихся членами, – противоречия, которое осталось неразрешенным и в последующие годы.

Дальнейшее развитие отношений ЕС с государствами Средиземноморского региона, начатое к концу 1980-х гг., параллельно с окончанием холодной войны, совпало также с ростом популярности радикальных исламистских движений в государствах Северной Африки. Геополитические изменения заставили государства-члены задуматься над долгосрочными последствиями принимаемых ими решений, результатом чего и стала концепция партнерства. Гомез обращает внимание на то, что выдвигание идеи партнерства носило, однако, во многом риторический характер. Выработка новых конвенций о присоединении позволила Европейскому Союзу обозначить собственные стратегические интересы в данном регионе, но не разрешила самых сложных проблем. Политика ЕС, реализуемая на основе средиземноморского партнерства, не принесла новых решений ни в отношении асимметричности торговых связей между государствами региона, ни в отношении долга государств, не являющихся членами ЕС, ни в отношении безработицы и экономической отсталости. Анализ хода переговоров по поводу конвенций о присоединении привел автора к следующим выводам. Во-первых, ЕС, проводя свою внешнюю политику, нацелен прежде всего на защиту собственных интересов, а не на выработку механизма стимулирования и участия в процессе регионального развития. Во-вторых, непростая схема переговоров делает наглядной сложность процесса принятия решений в рамках Европейского Союза, включающего не только государства-члены ЕС, но и его

институты. Каждый из участников названных процессов преследует не только собственные цели и задачи, но и обладает большей или меньшей силой воздействия на остальных. Более того, решения, предлагаемые институтами ЕС, нередко становятся «заложниками» интересов, которые представляют отдельные государства-члены ЕС. Наконец, в-третьих, концепция «мягкой безопасности» (*soft security*) в рамках партнерства может вызывать только сомнения, особенно если принять во внимание принципиальный характер экономического неравенства в отношениях ЕС с его южными соседями.

Особое внимание было уделено автором барселонскому процессу, рассматриваемому как один из элементов средиземноморской политики Европейского Союза, включающий различные формы многостороннего сотрудничества. Надежды, связанные именно с этим измерением политики ЕС, быстро уступили место разочарованию. Оказалось, что главное преимущество многостороннего форума, в качестве которого рассматривались шансы на налаживание израильско-палестинского диалога, становится самым большим его недостатком, поскольку ставит политическое сотрудничество всех партнеров в зависимость от развития ближневосточного конфликта. Ничего удивительного, что все участники барселонского процесса однозначно негативно оценили его достижения. Не удалось ни упрочить взаимные контакты средиземноморских государств (так называемая интеграция Юг-Юг), ни наладить диалог по вопросу соблюдения прав человека в государствах, не входящих в ЕС; но самые большие трудности возникли при попытке установления правовых рамок сотрудничества – то есть подписания и проведения в жизнь конвенций о присоединении. Тем самым сомнению подвергся самый важный аргумент сторонников средиземноморского сотрудничества, исходящий из необходимости реализации сотрудничества в долгосрочной перспективе и предполагающий достижение эффекта *spill-over* от экономического сотрудничества. Гомез подчеркивает также, что на эффективность внешней политики, адресованной государствам бассейна Средиземного моря, влияет внутренняя ситуация в ЕС, прежде всего медленный ход реформы, проводимой на основе единой политики в сфере сельского хозяйства. Подводя итоги, автор замечает, что ключевая ошибка в подходе ЕС к соседним государствам заключается в слишком широкой сфере предполагаемого сотрудничества.

Для того, чтобы стратегические цели смогли воплотиться в эффективные действия, они должны касаться небольшого количества избранных сфер, а предполагаемые результаты носить реальный характер. Только с учетом всех названных оговорок Европейский Союз сможет реализовать потенциал, заложенный в барселонском процессе.

Анализ процесса выработки содержания и форм средиземноморского сотрудничества дал автору основания для критических размышлений на тему практических и теоретических факторов в средиземноморской политике ЕС. Особого внимания заслуживает, по мнению автора, влияние интересов государств-членов ЕС и европейских институтов на принятие ключевых, с точки зрения партнерства, решений. Средиземноморская стратегия Евросоюза, описываемая Гомезом, нацелена прежде всего на институционализацию уже существующих форм международного сотрудничества в более длительных временных рамках, тем самым она оказывается лишенной инновационной составляющей. Сведение сотрудничества исключительно к его экономическому измерению привело к тому, что ведущую роль в процессе развития партнерства играла Еврокомиссия, что имело принципиальное значение не только для определения целей средиземноморской политики ЕС, но и для выработки комплекса мер, направленных на ее реализацию. В свою очередь, этот нацеленный в будущее и по-настоящему стратегический подход Еврокомиссии часто вступал в противоречие с краткосрочными интересами государств-членов ЕС, ослабляя тем самым единую средиземноморскую политику.

Дополнительной иллюстрацией приведенных выше положений являются два рассмотренных в книге случая позиции Европейского Союза в кризисных ситуациях: в отношении израильско-палестинского конфликта и кризиса в Алжире. Рассмотрение двух названных случаев дало автору возможность еще раз представить основные недостатки средиземноморской политики, проводимой Европейским Союзом, а также показать слабость ее ключевого инструмента, каковым является средиземноморское партнерство.

Подводя итоги анализа внешней политики Европейского Союза, Р. Гомез подчеркивает, что партнерство свидетельствует об углублении процесса европейской интеграции, а также о том, что Европейский Союз постепенно обретает способность целенаправленно и последовательно влиять на

свое окружение. Однако, с другой стороны, экзаменом на эффективность любой стратегии являются достигнутые ею цели. Это означает их вычленение, определение средств для их реализации, а в дальнейшем также их распределение, создание механизма, позволяющего получить отдачу, и осуществление необходимых реформ. Этим критериям успешности средиземноморская политика ЕС пока не соответствует.

Работа "*Negotiating the Euro-Mediterranean Partnership. Strategic Action in EU Foreign Policy?*" возникла в ходе написания Р. Гомезом кандидатской диссертации. Автор, кроме анализа документов, провел также ряд интервью с чиновниками, работающими в европейских институтах, политиками и представителями научного мира. Личные контакты с участниками переговоров позволили автору получить дополнительную информацию относительно механизма выработки соглашений, выходящую за ограниченные рамки обнародованных коммюнике или общедоступных сообщений информационных агентств. Обширная библиография, содержащая как монографические издания, газетные статьи, документы Европейского Союза, так и интернет-ресурсы, привлекает своей актуальностью.

Агата Колаковска

Aleksander Lipatow, *Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja*, wyd. Adam Marszałek, Toruń 2003.

Слова «История. Культура. Литература. Политика», вынесенные в подзаголовок книги⁸, недекларативно свидетельствуют о редкостной широте научных интересов автора. Не только исторических, но и культурологических, литературоведческих, политологических. Да и в своей собственно исторической «вотчине» исследовательское внимание А. Липатова не сосредоточено исключительно на одном каком-то плацдарме, не замкнуто каким-то одним определенным периодом,

⁸ Несколько включенных в нее статей известны по публикациям в коллективных сборниках *Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание; Поляки и русские в глазах друг друга; Studia Polonica. K 70-летию Виктора Александровича Хорева.* – М: Индрик, 2000, 2002.

предпочтительным тематическим или проблемным кругом. Если это и круг, то не плоскостной, а объемный.

Тут и теоретическое обоснование всепроникающей диалектики особенного и общего с фундаментально концептуальными понятиями национального и межнационального, всемирного и общечеловеческого. И раскрытие диалектических соотношений польской ли, русской ли, в одном случае и литовской национальной специфики и общности как славянской, так и европейской. И типологизация исторически опосредованных политических, общественных, духовных связей народов и их культур на примере Польши и России. Временные и пространственные границы этой проблематики – от Кирилла и Мефодия в статье «Взаимодействие латинского Запада и византийского Востока» до идеологических мифов и стереотипов национального восприятия в статьях, обращенных к нашему порубежью XX и XXI веков.

То же при частых и обильных вторжениях в сферу культуры, литературы, тем более необходимых историку потому, что в многовековом духовном опыте как польской, так и русской нации он ищет и находит наиболее полное, нестесненное выражение самобытных особенностей национальных восприятий. А. Липатов исследует их на материале древнерусских переводов рыцарских романов, в аспекте типологии русско-польских параллелей от XVII до середины XIX века в романах исторических, на примере литературного авангарда с его искушением поэзией и утопией власти. А в статье «Литература и факт» – на примере темы второй мировой войны в послевоенных произведениях польских и советских писателей. В отдельный большой раздел «Пророк польский и пророк русский: близость и оппозиция» выделены три статьи о Мицкевиче и Пушкине. В следующем за ним разделе – статьи о Крашевском и Реймонте в призме русского восприятия их творчества, а также статья «Эпическая форма», где предпринят сопоставительный анализ творчества Марии Домбровской и наследия Льва Толстого.

Политологический раздел составили статьи о государстве и церкви в России самодержавной, советской и современной, о русской интеллигенции перед лицом власти, о «России на перепутье. (Первое пятилетие после распада СССР.)» и «России в межвременье. (Баланс десятилетия.)». Здесь же статья «Так что же все-таки думают русские о Польше и

поляках» – об отражении в массовом сознании нынешних российско-польских отношений.

Завершает книгу раздел «Вместо заключения. Проблема европейской интеграции и идеал славянского мира». В нем две остропроблемные, обобщающие статьи: «Россия перед вызовом глобализации» и «Славянство как составная часть европейской цивилизации»...

Если такой беглый аннотационный перечень создаст вдруг впечатление проблемно-тематической пестроты, оно будет поспешным и неверным. Как ни многообразны тематика и проблематика статей, сложивших книгу, все они нанизаны на сквозной, стержневой, основополагающий мотив, повторяя заголовок одной из статей, открывающих книгу, «трудного соседства». Трудного и, добавим, драматического, а то и трагического. «Поляки не могут забыть – стереть из своей индивидуальной и общественной памяти – насилия России над их Родиной, ибо сама Российская империя, а затем ассоциирующийся с ней имперский СССР постоянно эти насилия возобновляли, исторически наслаивали, выковывая непрерывную цепь национального порабощения и тем самым провоцируя героические и трагические попытки непокорной нации эту цепь разорвать. Соучастие России в разделах Польши и ликвидации ее государственности, жестокое подавление восстаний, вызванных неуважением официальных властей к нации и ее культурно-исторической традиции, ограничениями гражданских прав и общественной жизни, наконец, насильственной русификацией, – таков был удел поляков от второй половины XVIII века до 1918 года, когда они обрели независимость. Новая угроза только что обретенной государственности возникла уже в 1919-1920 гг., когда Красная Армия двинулась на Польшу, чтобы, реализуя большевистскую идею мировой революции, войти в Германию и содействовать немецким коммунистам в установлении своей власти. Потом наступил период преследования советских граждан польской национальности, ограничения и последовательно сведения на нет польской культуры в пределах СССР, совместно с фашистской Германией нападение на Польшу в сентябре 1939 г., массовые репрессии и депортации поляков с «освобожденных» земель, а в 1940 г. уничтожение свыше 21 тысячи польских военнопленных в Катыни, Осташкове, Старобельске и других лагерях и тюрьмах. Затем, начиная с 1944 г., насаждение на польских землях марионеточного правительства, а вслед за этим новые

репрессии, общественные и культурные ограничения, бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь нации, постоянная поддержка и контроль над установленным тоталитарным режимом под названием «Польская Народная Республика» вплоть до 1989 года» (С. 13-14).

Казалось бы, почему не списать все эти недобрососедские акции на российское имперское прошлое? Самодержавное, породившее, перефразируя название еще одной статьи, не «домашний спор» славян, а конфликт национальных менталитетов. И сталинистское, когда вакантное место «кичливого ляха» в советской пропаганде занял «польский пан», он же «белополяк». Не списываются, как ни жестко и ни круто рассчитывается с ними А. Липатов в статье «От “ублюдка Версальского договора” до “братской страны социалистического лагеря”. (Государственное искусство и идеологические стереотипы.)». Списать не позволяют ни антипольский трактат Станислава Куняева «Шляхта и мы», включенный в третий том его воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия» (М.: Наш современник, 2002), ни воинствующе лживая книга Ю. Мухина «Антироссийская подлость» (М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2003), имитирующая, как вызывающе заявлено в подзаголовке, «расследование фальсификации Катынского дела Польшей и Генеральной прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским». Да и вообще, признаем с огорчением и стыдом, в ряду фобий, завладевающих сегодня российскими умонастроениями патриотистского толка, Польша если не лидирует, то не намного отстает от США и Израиля...

Тем актуальнее вопросы, во всеуслышание заданные А. Липатовым: «После крушения коммунистического режима у нас много говорится о покаянии, связанном с осознанием вины перед Родиной, родным народом, родной культурой. Но будет ли полным такое покаяние без осознания своей вины перед другими? Смогут ли эти другие без нашего самоосознания увидеть в нас не только географических соседей, но и признать в нас соседей под общим кровом европейской цивилизации?» (С. 15). Актуален и ответ, предлагаемый автором: «В условиях недостаточности, а порой и отсутствия общего языка в межгосударственной и межнациональной политике общий язык науки обретает смысл и значение, выходящие за собственные ее пределы. Он может то, что не всегда под силу политикам: раскрывая правду, облегчать созданные и создаваемые правителями и идеологами проблемы

нашего соседства. А от него нам не уйти: географию, в отличие от политики, законодательства, моды или супружества, нельзя ни изменить, ни переделать» (С. 15)...

Собственная книга А. Липатова из тех пока что немногих, но насущно необходимых, которые органичны такой задаче.

Валентин Оскоцкий

Dagmar Čierna-Lantayová, *Pohľady na východ. Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934-1944*. VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, Bratislava 2003, 268 s.

Новейшую научную литературу, вышедшую из-под пера словацких исследователей, которая была бы посвящена словацко-советским отношениям, можно без преувеличения назвать очень скромной. Во всяком случае следует отметить, что словацкая научная продукция на эту тему своим количеством и масштабом даже отдаленно не достигает уровня советологических исследований в соседних странах – в Венгрии, Чехии и прежде всего в Польше. Данное замечание имеет значение, ибо Черна-Лантайова в своей монографии уже во введении утверждает, что ее целью (т. е. целью рассматриваемой здесь публикации) является исследование темы во всей ее полноте. По собственным словам автора, в центре ее внимания, несмотря на наличие многочисленных публикаций словацких и зарубежных исследователей, находятся менее известные и неизученные проблемы, которые актуальны до сих пор. Жаль только, что из огромной литературы, которой, как представляется на основании утверждения исследовательницы, можно сегодня пользоваться, в данной монографии упоминается лишь очень скромная ее часть. Из русских публикаций это, собственно говоря, только политическая биография Сталина, написанная Дмитрием Волкогоновым, и очерки Роя Медведева. Упоминается пара чешских исторических работ, но отсутствует хотя бы часть богатой польской литературы – в монографии читатель не найдет ссылки ни на одну публикацию польского историка. Главные же источники работы – это материалы из словацких и чешских (архив чехословацкого МИДа), а также российских архивов. Использование в особенности архивных собраний Российской Федерации следует

считать большим достоинством работы. Остальной материал – это чешские, российские, немецкие и венгерские печатные документы, а также современная пресса, выходящая в Словакии.

Вместе с введением и заключением работа состоит из пяти частей, упорядоченных хронологически. Первая часть, состоящая из трех разделов, исследует реакцию словацкого общества (а скорее словацких политических партий) на формирование отношений с СССР в 1934-1938 гг. Вторая часть включает пять разделов и носит название «Союзническая Россия» в представлениях словацких политиков и возвращение к действительности (1939-1941)». Последняя, третья часть озаглавлена «Восприятие России официальными словацкими деятелями и словацким антигитлеровским движением сопротивления во время войны (1941-1944)». Ценным подспорьем является также указатель лиц, который облегчает ориентирование в книге. Краткое замечание следует сделать по поводу терминологии, используемой в книге: на основе обработки современной словацкой прессы и публичных выступлений словацких политиков автор утверждает, что в глазах словацких деятелей Советский Союз воспринимался прежде всего как славянская держава, как «славянская Россия». Отсюда в работе чаще всего употребляемое название «Россия» с определением «советская», «большевистская» и т. д., в зависимости от конкретных политических взглядов современных авторов.

При разработке отдельных тем новейшей истории самой большой проблемой оказывается периодизация. В случае с работой Черна-Лантайовой отправной точкой является 1934 г., в котором были установлены официальные дипломатические отношения между Чехословакией и Советской Россией. В кратком вступлении, которое необходимо, чтобы объяснить, с какой Россией (или правящей политической системой в России) имели дело отдельные словацкие журналисты и политики, автор обращает внимание на изменение восприятия России в словацком обществе после прихода к власти большевиков. Если в начале XX века в литературных и интеллигентских кругах, формировавших словацкое политическое мышление, преобладала романтическая иллюзия «великой России» с определенного рода миссией (а именно: миссией освобождения всех поработанных славянских народов, включая словаков), то после 1917 г. произошла существенная перемена. После возникновения чехословацкого государства во всех политических партиях, действовавших в Словакии (за

исключением Чехословацкой коммунистической партии), преобладало отрицательное отношение к новой политической системе в Советской России. Одним из факторов, повлиявших на такое отношение к СССР, было присутствие русской «белой» эмиграции в Чехословакии, а также ее оценка власти большевиков. Другим фактором был характер словацкого общества, по большей части католического, и роль Костела, представлявшего большевиков как атеистов. С этой точки зрения между словацким и польским или венгерским обществами можно обнаружить больше общих черт, чем между словацким и чешским. В 1928 г. в Словакии возникла *Liga proti komunizmu*. Как утверждает, однако, автор, надежды Лиги, связанные с быстрым ростом рядов этой организации, столь же быстро развеялись. Вторая часть политического спектра – словацкие коммунисты (в особенности Владимир Клементис) – выражала свои взгляды на страницах литературно-политического ревью «*Dav*». Авторы отдельных статей, опубликованных в «*Dav*», не скрывали желания следовать в Словакии советской модели. Партией, являвшейся на протяжении всего межвоенного периода «бастионом» антикоммунизма, было католическое «*Stronnictwo ludowe*» (Народная партия, после смерти своего вождя Анжея Хлинки носившая его имя), являвшееся одновременно центром словацких автономистских устремлений. Хотя автор этого непосредственно не утверждает, читая фрагменты отдельных статей, нельзя не заметить отсутствия точных данных о ситуации в современной России или собственных впечатлений на основе опыта общения с действительностью в СССР словацких авторов, высказывающихся на эту тему. Небольшое исключение составляют статьи знатока царской России Душана Маковицкого, сына личного врача и секретаря Льва Толстого яснополянского периода жизни писателя. Тогдашняя политика министра иностранных дел Бенеша имела в отношении уже не существовавшей Малой Антанты целью дополнение политических альянсов Праги треугольником Париж-Прага-Москва. В долгосрочной перспективе этот альянс не спас Чехословакию от разгрома, хотя Бенеш в ходе второй мировой войны несколько раз заявлял, что Советы в период мюнхенского кризиса в октябре 1938 г. были готовы выслать свои войска на помощь, если бы так же поступила Франция. Установление официальных дипломатических отношений в 1934 г. соседствовало, однако, с делом убийства Кирова, довольно широко обсуждавшимся в чешской и

словацкой прессе, а следовательно, критикой методов сталинского режима. Один из руководителей Словацкой Народной партии, известный, впрочем, полонофил Кароль Сидор обвинил словацкое правительство в советофильстве, за которое словацкий народ не должен нести никакой ответственности (С. 40). Во многих словацких кругах – не только автономистских – вызвала гнев речь наркома иностранных дел Литвинова в ходе первого официального визита Бенеша в Москве, в которой советский нарком говорил о «чехословацком народе». Первая часть работы заканчивается кратким описанием событий, связанных с мюнхенской конференцией, осени 1938 г., после чего в следующей, второй части автор продолжает анализ советско-словацких отношений с марта 1939 г. Следует обратить внимание на эту пару месяцев как очень существенный временной пробел. Речь идет о вопросах, которые остаются без ответа. Какова была реакция Москвы на мюнхенские события, которые стали началом конца существования чехословацкого государства? А если принимать во внимание лишь Словакию, то каким образом в Москве воспринималась утрата трети словацкой территории в пользу Венгрии в результате венского арбитража в 1938 г.? Связывались ли в Словакии какие-то надежды с СССР как очень существенным фактором в регионе, учитывая неблагоприятный ход событий? Возможно, над подобными вопросами в правительственных сферах СССР вообще не задумывались, однако следует об этом хотя бы упомянуть.

Вторая часть начинается с момента возникновения «независимого» словацкого государства 14 марта 1939 г. На ноту Братиславы, сообщающую о создании Словацкой Республики, Москва даже не отреагировала. Известно, что это государство возникло не только в результате агрессивной внешней политики Германии, но и на основании непосредственного вызова Берлина (визит князя Тиса в Берлин 13-14 марта). Обстоятельства возникновения самостоятельной Словакии имели решающее влияние на общий характер государства во время всего его короткого семилетнего существования. Одной из первых акций словацкого Департамента пропаганды была большая антибольшевистская выставка. В зале площадью 1000 кв. км были показаны кровавые методы ГПУ и «чекистов» (С. 83). Изменения в восприятии России официальными словацкими деятелями были вызваны неожиданным (впрочем, не только для словаков) подписанием германо-советского договора о

ненападении. Это было связано с потребностью «приспособления» к тогдашним событиям и, прежде всего, немецким «рекомендациям». Черна-Лантайова признает, что, учитывая тоталитарный характер словацкого государства, гораздо легче изучить реакцию словацкой прессы или радио этого периода на те или иные события, чем работу средств массовой информации между двумя мировыми войнами. Словацкая государственная пропаганда начала поиск общих черт в национальном социализме и сталинизме и нашла их, например, в якобы общем антисемитизме обоих режимов. В одном из октябрьских номеров ежедневной газеты «Словак» было обращено внимание на антисемитизм сталинских чисток, много места также было посвящено устранению Литвинова, которое было воспринято как начало «очищения Советского Союза от евреев» (С. 89). Буквально накануне советского нападения на Польшу, 15 сентября 1939 г., были установлены официальные дипломатические отношения между Словакией и СССР. Что в определенном смысле типично – это произошло при посредничестве Берлина. С польской точки зрения представляется интересным, что газета «Словак» уже в начале сентября 1939 г. писала об очень большой степени вероятности того, что пакт Молотова-Риббентропа каким-то образом регулирует украинский и белорусский вопрос на территории Второй республики. Жаль только, что этот мотив не был изучен до конца, так как в публикации не хватает реакции словацких деятелей на включение польских земель в состав СССР. В словацко-советских отношениях начался очень интересный, хотя и короткий период непосредственных отношений, впрочем, не только политических, но и экономических (автор посвятил этим отношениям 4 раздел второй части) и культурных (3 раздел). Словакия приписывала факту своего признания со стороны СССР большое, даже слишком преувеличенное значение и связывала с ним определенные надежды. Словацкая пропаганда сравнивала роль Словакии с мостом между германцами и славянами (впрочем, сравнение Словакии или Чехословакии с мостом между Западом и Востоком не было новым явлением и должно было появиться в новой «версии» после второй мировой войны). Славянский момент в это время особо акцентировался, подчеркивая общие связи словацкого и русского народов (ибо СССР воспринимался как Россия, а не как содружество разных народов). С присутствием посла Георгия Максимовича Пушкина в Братиславе в словацких прави-

тельствующих сферах связывались надежды на уменьшение подавляющего немецкого господства в Словакии. О понимании словацкой позиции Пушкин написал в одном из рапортов наркому Молотову следующее: «Советский Союз был бы защитником католической Словакии от Германии, а протестантская Германия, со своей стороны, защищала бы Словакию от Советского Союза» (С. 122). В рапортах Наркоминделу Пушкин отмечает стремление всех, без исключения, словацких политиков к возврату словацких земель, отнятых Венгрией в 1938 г. Эти надежды были связаны с ожиданиями, что СССР со дня на день займет Закарпатскую Русь (захваченную в 1939 г. Венгрией), и таким образом возникнет советско-словацкая граница. Это произошло, однако, гораздо позже, когда дни словацкого государства как сателлита нацистской Германии уже были сочтены.

Однако автор не упускает из виду советскую позицию по отношению к новой ситуации: советская дипломатия в результате подписания пакта Молотова-Риббентропа должна была пересмотреть свою политику в отношении Чехословакии, которая сформировалась после марта 1939 г. Учитывая факт, что в течение года СССР был вынужден закрыть свои дипломатические учреждения в Вене (после «аншлюса»), Праге (возникновение Протектората) и Варшаве, возможность открыть посольство в Братиславе была хорошим поводом для того, чтобы поставлять информацию в Наркоминдел на основании непосредственного наблюдения событий в этой части Европы (С. 89). Однако, несмотря на советское присутствие в Словакии, дающее возможность некоторых политических маневров, Словакия была признана несомненной частью немецкой сферы влияния.

Третья часть посвящена периоду 1941-1944 гг. Говоря об этом этапе словацко-советских отношений, автору необходимо учитывать не только реакцию официальных словацких кругов, но также выдающихся деятелей движения сопротивления. Короткий эпизод официальных дипломатических отношений закончился объявлением Словакией войны Советскому Союзу. Об этой нелепой ситуации лучше всего свидетельствуют слова словацкого посла в Москве, который, получив задание объявить состояние войны с СССР, передал соответствующую ноту Молотову. Он пытался избежать встречи с наркомом иностранных дел, так как, по его собственным словам, объявление Словакией войны казалось ему смешным (С. 180). В борьбе

против СССР словацкое общество было мобилизовано, а точнее делались попытки его мобилизовать под лозунгами цивилизационной борьбы с большевизмом. Здесь следует подчеркнуть интересные наблюдения автора, касающиеся метаморфоз официальной словацкой пропаганды, использующей в случае необходимости лозунги то славянского единства, то борьбы с атеистическим большевизмом. Одним из малоизвестных эпизодов словацкой истории, безусловно, является идея включения Словакии в качестве союзной республики в СССР, выдвинутая словацкими коммунистами. Этот замысел, однако, был нереален (хотя автор забывает объяснить почему), а играл скорее роль формы нажима на центриста и «чехословакиста» Бенеша, чтобы тот одобрил фундаментальные принципы словацкого движения сопротивления (автономия в рамках Чехословакии). Данное «предложение» также не нашло соответствующего отклика со стороны Сталина. В отличие от Варшавы, СССР непосредственно участвовал в словацком национальном восстании (1944), высылая офицеров в штабы словацких повстанцев. Однако это восстание закончилось неудачей. Заслуживает внимания также инициатива словацкого министра обороны ген. Фердинанда Чатлоса, который с целью спасти Словакию как самостоятельное государство обратился с просьбой о помощи к Кремлю. Эта акция закончилась похищением его Советами и вывозом в Киев, а оттуда в Бутырскую тюрьму.

Со стороны словаков из движения сопротивления, действующих особенно в Лондоне и Соединенных Штатах (Милан Ходжа), было много решительных сторонников сближения с СССР, например, уже упомянутый Владимир Клементис. Этот выдающийся деятель словацких левых был приговорен к смерти во время сталинских процессов 50-х гг., причем одно из обвинений касалось его критики пакта Молотова-Риббентропа. Из политиков, которые не скрывали опасений перед большевистской Россией, автор упоминает и Милана Ходжу, который в эмиграции принадлежал к числу противников внешней политики, проводимой президентом Бенешем (одно из обвинений касалось как раз ориентации политики Бенеша на СССР). В 1944 г. Ходжа написал меморандум для Государственного секретариата США, озаглавленный *Europe at the Crossroads* («Европа на распутье»), в котором обращал внимание на опасность политики сфер влияния и грозящую

Центрально- и Юго-Восточной Европе коммунизацию, за что несколько позже был объявлен фантазером.

Заблуждения, иллюзии и романтические фантазии словацкого общества вызывают вопрос, не было ли их причиной отсутствие более точных «взглядов» на Восток («Взгляды на Восток» – это русский перевод названия рассматриваемой публикации), на Россию. По моему мнению, именно отсутствием рациональных замечаний или теоретических работ об основах социально-политической системы СССР – таких, какие, например, появлялись в межвоенный период в польских советологических центрах типа Научно-исследовательского института Восточной Европы Вильненского университета им. Стефана Батория, – объясняется преобладание эмоциональных (по большей части экстремальных, т. е. крайне положительных или крайне отрицательных) элементов во взгляде на Советскую Россию. Это также одна из причин того, что научную литературу, посвященную идеологическим основам советской системы, которая выходит в Словакии, нельзя сравнивать с польскими работами этого типа, выходящими почти ежемесячно (упомяну хотя бы новейшие книги Марка Корната). Книгу Черна-Лантойовой можно по этой причине считать очень полезной и – более того – в некоторых аспектах даже новаторской.

Душан Сегеш

Zbigniew Brzezinski, *The Choice: Global Domination or Global Leadership*, Basic Books, New York 2004, 242 p.

Збигнев Бжезински, бывший советник по вопросам национальной безопасности в администрации Джимми Картера, а ныне эксперт по международным делам в американском *Center for Strategic and International Studies* и преподаватель внешней политики в *Johns Hopkins University*, в очередной раз начинает дискуссию на тему роли Соединенных Штатов в мировой политической системе. Опубликованная в этом году книга *The Choice: Global Domination or Global Leadership* представляет стоящую ныне перед США проблему неизбежного выбора: между традиционно понимаемым мировым господством и современным глобальным лидерством на уровне мировых вызовов.

Ключевым американским стратегическим императивом Бжезински считает необходимость для Соединенных Штатов сочетания роли гаранта мировой безопасности с лидерством в деятельности во имя общего добра в глобальных вопросах. Одновременно он предостерегает от ошибочного отождествления сверхдержавности с omnipotency и обращает внимание на факт естественной двусторонней зависимости между американским экономическим успехом и всемирным благосостоянием. Оторванность от реалий остального мира и чрезмерная концентрация на внутренних американских интересах могли бы, по его мнению, угрожать изоляцией Соединенных Штатов от международного сообщества.

Содержание книги составляют два следующих друг за другом направления размышлений. Первая часть, озаглавленная *American Hegemony and Global Security*, рассматривает влияние американской гегемонии на мировую безопасность. В ее разделах автор формулирует новые угрозы (*The Dilemmas of National Insecurity*) и источники хаоса (*The Dilemmas of the New Global Disorder*), переходя затем к размышлениям на тему союзов (*The Dilemmas of Alliance Management*). Во второй же части, названной *American Hegemony and the Common Good*, он предлагает дискуссию на тему влияния американской сверхдержавности на общее благо современного мира. Так же, как в первой части, заголовки разделов предполагают дискуссионный характер размышлений: от дилемм глобализации (*The Dilemmas of Globalization*) до противоречий демократии в условиях гегемонии (*The Dilemmas of Hegemonic Democracy*). Завершающая глава непосредственно связана с вопросом, поставленным в заглавии книги: глобальное превосходство или глобальное лидерство – *Domination or Leadership*?

Среди выделенных автором важнейших проблем следует прежде всего назвать такие:

- Что больше всего грозит современной Америке и миру?
- Имеют ли США как мировой «гегемон» право на безопасность в чрезвычайном масштабе?
- Как должна происходить борьба с «более слабым» врагом?
- Возможно ли долговременное согласие с исламским миром?
- Какую меру ответственности за развязывание региональных конфликтов в разных частях света должны нести Соединенные Штаты?

- Как предотвратить углубление нежелательных различий в шансах на развитие человечества?
- Какое будущее ожидает существовавшие до сих пор американские союзы?
- Как согласовать роль «гегемона» с принципами демократии?

По мнению Бжезинского, на пороге нынешнего столетия никакой другой субъект международного сообщества не может быть противопоставлен технологическому динамизму Соединенных Штатов, их экономической силе, военному преимуществу или устоять перед повсеместной экспансией американской культурной модели. В условиях прогресса глобализации военная и экономическая мощь Америки, лежащая в основе государственной суверенности и нынешней мировой гегемонии США, является в то же время неизбежным фактором широко понимаемой глобальной стабильности. При общности политических целей и правильной форме лидерства она естественным образом будет вести к расширению сферы благосостояния на службе общих интересов и ценностей демократического мира (*a global community of shared interest*). С другой стороны, однако, при таком большом политическом и экономическом перевесе любое отступление в деле осуществления американского мирового лидерства может легко привести к нарушению мирового порядка, а вследствие этого к исполненной враждебности изоляции США от мирового сообщества (*anti-American hostility*).

На фоне относительной слабости остальных субъектов американское лидерство не имеет сегодня достойной доверия альтернативы. Многие зависит, однако, от его формы и качества воздействия на глобальные дела, в том числе на возможности сотрудничества с партнерами из разных частей света. В условиях однополярной системы это нелегко. Несомненное американское превосходство может естественным образом возбуждать у партнеров сдержанность и недоверие, а в крайних случаях даже враждебность или ненависть на социальной или религиозной почве. Считаясь с такими последствиями глобальной гегемонии США, Бжезински предлагает конструктивное политическое лидерство на уровне XXI века, опирающееся на современное восприятие угроз и прагматическую борьбу с ними в рамках распределения усилий и ответственности во имя всеобщего блага.

Глобализация, по его мнению, означает прежде всего взаимозависимость мировых дел в международном масштабе (*global interdependence*). В таких условиях невозможен как унилатеральный подход к решению конфликтов, так и чрезмерная зависимость от зачастую безуспешных многосторонних усилий. Обнаружение золотой середины между двумя крайностями является квинтэссенцией творческого лидерства и единственным рецептом для прочного решения проблем современного мира. Только так можно согласовать обоснованную тревогу за национальную безопасность с разумным масштабом страховки, не превышающим рационального уровня и не грозящим отчуждением от мира. Окончание холодной войны и следующая за ним непредсказуемость, а также изменение характера угроз – таких, как международный терроризм и распространение оружия массового поражения, – ставят перед США совершенно новые вызовы. Необходимость оптимальной реакции при сокращении сроков принятия решений, а также повсеместность и перманентность угроз при этом показывают в новом свете будущее глобальной роли Соединенных Штатов и требуют обновления характера отношений с партнерами и союзниками. Это на практике означает потребность продуманной, ответственной и эффективной внешней политики США, которая, по мнению Бжезинского, должна в максимальной степени учитывать взаимозависимость проблем современного мира и взаимосвязь судеб всего человечества. Поэтому фундаментальный вопрос, поставленный Бжезинским, звучит так: смогут ли Соединенные Штаты вести других к построению новой, стабильной мировой системы, опирающейся на глобальное единство интересов, или используют свою нынешнюю гегемонистскую позицию, чтобы ограничиться лишь обеспечением безопасности на собственной территории?

Принятый республиканской командой унилатеральный способ реакции на угрозу международного терроризма вызвал в мире, как всем известно, многочисленные споры и стал одной из причин охлаждения в трансатлантических отношениях. У неоконсервативных взглядов в области внешней политики нашлось немало критиков в самой Америке, что особенно ярко проявилось во время избирательной кампании накануне ноябрьских (2004) выборов президента США. Отход от мультилатерализма, составляющего основу политики Соединенных Штатов в последние десятилетия, открыл при этом широкую

дискуссию по вопросу о нынешней и будущей роли США в мировой системе. Какой же Америки хочет мир?

Решение проблемы Ирака или стабилизация ситуации в Афганистане не исчерпает всех проблем, стоящих перед союзниками. Как известно, в фундаментальной реформе нуждается главный институт международного порядка – Организация Объединенных Наций, в особенности ее Совет Безопасности. Идет процесс преобразования НАТО и параллельная закладка основ европейской политики безопасности и обороны. Прогресс европейской интеграции приводит к тому, что объединяющаяся Европа все чаще воспринимается как организм, способный в перспективе вести общую внешнюю политику – даже в глобальном масштабе – подобно таким государственным организациям, как Китай, Россия или США. Как подчеркивает Бжезински, при этом без сомнения важно, чтобы от рассматриваемой таким образом политической эмансипации Европы не пострадали трансатлантические связи и чтобы формирование европейского идентитета не происходило на основе антиамериканских настроений и в атмосфере конфликтов среди союзников. Поэтому он указывает на необходимость распознавания общих угроз и выработки общей стратегии Европы и США в отношении взрывоопасных точек мира. Автор относит к ним, в частности, Ближний Восток и нефтеносные территории Евразии, где конфронтация Америки с миром ислама требует политической поддержки со стороны Европы. Самыми важными задачами, стоящими перед современными демократиями, он считает при этом развитие Европейского Союза и НАТО в восточном направлении и тем самым дальнейшее расширение трансатлантического сообщества, параллельное гашение очагов конфликтов (Афганистан, Пакистан, Ирак, Иран, израильско-палестинское противостояние) при активном участии и совместной ответственности Европейского Союза и Японии, в-третьих, наконец, обеспечение безопасности на Дальнем Востоке, с учетом растущей роли Китая.

В своих многочисленных высказываниях Бжезински подчеркивает, что для будущего устройства демократии и экономической стабильности в мире может быть опасен, прежде всего, факт современной беспрецедентной политической изоляции США. Как параллельную опасность он воспринимает все еще реальную, по его мнению, возможность стагнации объединенной Европы исключительно в категориях социаль-

ных и экономических, без общего политического видения, предназначенного для себя и для мира, и без военного потенциала, способного поддержать Соединенные Штаты в реализации их глобальных стратегических целей. Его беспокойство вызывает также непредсказуемое будущее политики соседней России, диспропорции в экономическом, социальном и политическом развитии Китая, а прежде всего опасность распространения оружия массового поражения, усиление транснационального терроризма и рост количества распавшихся государств, совместно углубляющие нарастающий хаос в нынешнем однополярном геополитическом укладе. Предметом самых сильных опасений Бжезинского является при этом наблюдаемый долгое время повсеместный рост антиамериканских настроений, зачастую связанный с антиглобализмом и переносимый на почву религиозных и национальных конфликтов. Решение же нынешних глобальных проблем требует, по его мнению, развития партнерского диалога и поддержки Соединенных Штатов в их уникальной роли в мировой системе.

По мнению Бжезинского, в трудных условиях войны с терроризмом, а также при явном обострении экономической и политической борьбы эпохи глобализации несомненная потребность в конструктивном американском мировом руководстве будет безусловно требовать ответа в форме решительных программных действий на вершине власти. Они сводятся, как полагает Бжезински, к фундаментальному выбору между относительно легкой позицией глобальной доминации (*global domination*) и принятием на себя трудной и ответственной роли мирового лидера (*global leadership*). Учитывая явную поляризацию американского политического порядка, ныне сложно предвидеть точное направление дальнейших изменений во внешней политике США. Избирательный сезон нынешнего года, однако, уверенно показал, что решения избирателей имели и в этом случае огромный удельный вес, непосредственно влияя не только на внутренние дела США, но также на глобальную роль этого государства на международной арене.

Таким образом, книга по своему замыслу является отчасти прогнозом, а отчасти попыткой поиска конкретных решений и возможных ответов на поставленные во введении вопросы. Нынешние достижения научно-технической революции и генерируемой США конкурентной борьбы создают для мира многообещающие перспективы эффективного экономическо-

го роста и цивилизационного прогресса. Однако с другой стороны, перед лицом одновременных угроз самоизоляции Америки или навязанное другими отчуждение США в международном сообществе могло бы стать источником нестабильности и хаоса в глобальном масштабе. Отсюда многократно подчеркиваемое Бжезинским чувство исторической ответственности Соединенных Штатов за формирование правильной модели развития мира.

Каролина Бальцеровска-Кватерска

Gustav Lindstrom, *Protecting the European homeland. The CBR dimension*, European Union Institute for Security Studies, Paris 2004, 134 p.

На протяжении без малого пятидесяти лет Европа и весь мир жили под угрозой ядерного противостояния супердержав. Термины «боеголовка», «средняя дальность» или «ракеты земля-земля» были известны каждому гражданину, а угроза была столь ощутимой, что даже сейчас, спустя более десяти лет после окончания холодной войны ее следы все еще присутствуют в общественном сознании. Когда речь идет об оружии массового поражения, значительное большинство людей неосознанно соотносит его в первую очередь с ядерным оружием. Мировое общественное мнение выражает обеспокоенность по поводу иранской или корейской ядерной программы, озабоченное вероятностью приобретения террористами атомного оружия, строит предположения о том, в чьих руках в случае нестабильности в той или иной стране могла бы оказаться мифическая ядерная кнопка. Однако, представляется, что, даже если не преуменьшать опасность, источником которой являются уже существующие и пополняемые ядерные арсеналы, самое время взглянуть на оружие массового поражения с новой точки зрения, более соответствующей современной стратегической ситуации. Унаследованная от предыдущего десятилетия система международного контроля за вооружениями нацелена на наблюдение за государствами и в значительной мере оказывается непригодной в отношении негосударственных субъектов. В то же время это они – транснациональные террористические группы, организованные преступные группировки или секты – будут

вероятнее всего все более активно стремиться к обладанию таким оружием. Поскольку его производство до сих пор остается делом непростым, так же как покупка или кража «атомной бомбы», эти субъекты все чаще будут стремиться для достижения своих целей заполучить биологическое, химическое или радиологическое оружие (СВР). Именно поэтому особую актуальность приобретает анализ проблемы оружия массового поражения в новой ситуации, равно как и распространение результатов такого анализа. Много ценных наблюдений по этому поводу, пусть и касающихся в основном Европейского Союза, содержит последняя работа исследователя из Евро-союзного Института исследований в области безопасности.

Густав Линдстром возглавляет в парижском Институте исследовательский проект, посвященный защите Европы от терроризма. «Защищая европейский дом» (*Protecting the European homeland*) – это первая монография, явившаяся результатом названного проекта, однако годом раньше ее автор опубликовал также книгу, посвященную пролиферации (G. Lindstrom, B. Schmitt (eds.), *Fighting proliferation – European perspectives*, European Union Institute for Security Studies, Paris 2003). Работа Г. Линдстрома носит комплексный характер. Прежде всего, автор пытается доказать, что, хотя «вероятность биологического, химического или радиологического нападения на Европу невелика» (С. 9), с течением времени эта вероятность скорее всего будет возрастать, о чем свидетельствуют все более частые случаи задержания полицией европейских государств подозреваемых и перехват опасных материалов. На это указывает также огромное психологическое воздействие, которое оказывает страх перед потенциальным нападением с применением оружия массового поражения, непропорциональный реальным возможным потерям. Автор обращает внимание на растущее число несостоявшихся попыток приобретения оружия СВР, а также на уже совершенные атаки при помощи такого оружия (в отличие от ядерного оружия, которое до сих пор негосударственными субъектами применено не было). Он подчеркивает также европейскую специфику, которая, с одной стороны, благодаря открытости границ, а с другой – благодаря высокой плотности населения, может способствовать распространению последствий применения оружия массового поражения (СВР), а также облегчить его переброску. Весьма важными в этой связи представляются рассуждения по поводу применения негосударственными

субъектами обычного вооружения, например, в отношении транспортных средств, перевозящих вредные химические вещества, или промышленного оборудования, служащего для их производства. Такая нетипичная, гибридная атака могла бы привести к огромным социальным и экономическим потерям, одновременно будучи выгодной для исполнителей этой акции, как с точки зрения затраченных средств, так и степени риска.

Кроме того, автор доступно рассматривает различные виды оружия массового поражения (СВР), а также возможные последствия их применения. Из химических средств он последовательно описывает цианиды, обжигающие, удушающие, парализующие средства, а также токсичные промышленные химикаты. Интересно, что автор приходит к выводу, что самая большая угроза исходит именно от этих последних. «В то время как боевые парализующие вещества часто изображают как источник наибольшей опасности, вероятность их применения довольно невелика» (С. 23), как с точки зрения промышленной инфраструктуры, риска ее выявления, так и трудностей возможного приобретения готовой продукции. В то же время «наличие и общедоступность многих токсичных химических веществ делает их привлекательными и как средство и как цель атаки. (...) Грузовики, перевозящие опасные материалы, могут стать целью атаки или похищения. Поезда, транспортирующие химикаты, могут стать объектом разнообразных нападений, что грозит страшными последствиями для окружающих городских районов. Существует много возможностей, ограничивает их только воображение и средства, доступные террористам» (С. 24).

К столь же неутешительным выводам приходит автор после анализа биологического оружия – бактерий, вирусов, грибков и токсинов (растительного или животного происхождения), используемых в военных целях. Главным преимуществом такого оружия в глазах террористов может стать временной разрыв между его применением и достижением желаемого эффекта, то есть проявлением у жертв симптомов болезни. Это помогает атакующим сохранить анонимность, поскольку даже в случае начала потенциальной эпидемии трудно с полной уверенностью утверждать, является ли она результатом действий человека или естественным процессом. Так, больше года понадобилось властям штата Орегон, чтобы установить, что за эпидемией сальмонеллы стояла секта Бхагван Шри

Райниш (С. 31), кстати, до сих пор не установлены лица, рассылавшие споры сибирской язвы в 2001 г. Биологическое оружие, однако, представляется для террористов менее доступным, чем химические средства. «Многие виды биологического оружия требуют специальных условий хранения (...). Некоторые средства, будучи чрезвычайно грозными и заразными, не встречаются в природе (оспа). Другие, доступные в природе, обладают ограниченным действием» с точки зрения (как бы жестоко это ни прозвучало) их низкого потенциала, поскольку они почти немедленно приводят к смерти (эбол, С. 33).

Таким образом, более вероятным представляется создание не биологической, а так называемой «грязной бомбы», т.е. оружия, содержащего элементы обычных взрывчатых веществ и радиоактивных материалов. Учитывая тот факт, что по оценке Международного агентства по атомной энергии в мире существует более 10 тысяч медицинских центров радиотерапии, около 12 тысяч объектов промышленной радиографии и 300 объектов, использующих облучение в промышленных целях, это опасение не лишено оснований (С. 33). Тем более, что каждый из названных объектов может стать источником столь опасных элементов, как кобальт-60, цезий-137, иридий-192 или стронций-90. Почти ни один из них не защищен соответствующим образом от подобной угрозы.

Государства-члены ЕС, как, впрочем, и остальная часть западного мира, по-новому оценили угрозу со стороны оружия массового поражения (СВР) после террористических атак в сентябре 2001 г. Автор кратко описывает меры, принятые отдельными государствами с целью предотвращения подобной угрозы; много внимания уделяет он и действиям на уровне всего Евросоюза. Так, обсуждается европейский механизм, облегчающий развитие сотрудничества и помощь в сфере гражданской обороны, выработанный еще в октябре 2001 г.; Программа сотрудничества по подготовке ответных действий в случае биологической или химической атаки (вопреки названию, эта программа связана не с военной сферой, а со здравоохранением), датированная декабрем 2001 г., а также Программа по углублению сотрудничества в ЕС для предотвращения и ограничения последствий биологической, химической и радиационной угрозы со стороны террористов, датированная декабрем 2002 г. Упомянуты также маневры *Euratox-2002*, направленные на проверку эффективности

соответствующих служб государств ЕС в локализации угрозы и эвакуации мирного населения. Автор обрисовал также роль европейских научных исследований, и в первую очередь Объединенного научного центра, в данной сфере и, наконец, вкратце представил место проблематики оружия массового поражения СВР в Европейской политике безопасности и политике обороны, а также в рамках сотрудничества ЕС-НАТО. Важно, что наряду с достижениями отмечены также недостатки и трудности, которые ЕС должен преодолеть, чтобы его система реагирования на нападение с использованием средств массового поражения оказалась действенной. С этой целью автор формулирует ряд положений, адресованных как отдельным государствам-членам ЕС, так и требующих кооперации на общеевропейском уровне. Среди них есть предложения институционального характера, как, например, учреждение в ЕС поста координатора по вопросам внутренней безопасности (*coordinator for homeland security*), связанные с привлечением средств, а также чисто технические, касающиеся формирования фонда соответствующих прививок. Что любопытно, подводя итог своих исследований, Г. Линдсторм приходит к выводу, что в ближайшее время наиболее эффективными могут оказаться меры на первый взгляд незначительные, требующие малых затрат. «К сожалению, легко потратить огромные суммы и купить себе чувство безопасности, по существу не уменьшая при этом риска (...). Эффективным может оказаться «собираение плодов с нижних ветвей», т.е. инвестирование в те отрасли, где небольшие вложения могут иметь огромное значение» (С. 70). Например, несколько полицейских для патрулирования промышленных объектов, где используются токсичные химические вещества, или налоговые льготы для таких предприятий, которые сами усиливают контроль за опасными веществами, могут внести более существенный вклад в обеспечение безопасности, чем большие суммы, потраченные на средства защиты от газа VX. Разумеется, этот вид химического оружия потенциально является наиболее грозным из всех, но на практике его приобретение фактически невозможно. В то же время вредные промышленные химикаты можно встретить, как уже говорилось выше, почти повсеместно.

Шведский эксперт приходит в своей работе к выводу, что необходимо создать на уровне Европейского Союза систему внутренней безопасности (*homeland security*). Следовало бы, на

наш взгляд, пойти в этих рассуждениях дальше и задаться основополагающим в этом контексте вопросом. Является ли Европейский Союз соответствующим институтом для того, чтобы создать такую систему? Оба вопроса могли бы стать (и будем надеяться, что станут) предметом тщательного анализа; здесь в связи с работой Г. Линдстрома им стоит посвятить буквально несколько слов. Если речь идет о первой проблеме, то здесь нет особых сомнений. Анализ угрозы показывает, что развитие сотрудничества между европейскими государствами является насущной необходимостью. При этом речь идет в первую очередь о сотрудничестве на уровне полиции, следственных органов, таможенных и пограничных служб, необходимо также привлечение пожарных, врачей (и других специалистов в сфере здравоохранения), санитарных инспекторов, сотрудников химических лабораторий и разнообразных научных институтов. В ЕС в большинстве из названных областей существует не просто сотрудничество, а интеграция, что значительно облегчает ситуацию. Военный фактор имеет здесь второстепенное значение, хотя взаимодействие с НАТО (что также следует из рассуждений Г. Линдстрома), несомненно, было бы полезным.

К сожалению, само по себе наличие в государствах-членах ЕС убежденности в необходимости создания эффективной системы противодействия атакам с применением химического, биологического и радиологического оружия, не означает, что эта система создается с особым энтузиазмом. Преграды существуют как на самом высоком уровне – ведь речь идет о сотрудничестве в важнейших сферах, часто связанных с военной тайной, – так и на самом низком. Иногда эти преграды весьма тривиальны. Совместные учения показали, например, что шланги итальянских пожарных машин не подходят к французским гидрантам. Похожая ситуация была в других странах с защитными комбинезонами, которые не совмещались с противогазами. Даже при максимуме политической воли эти банальные, на первый взгляд, мелочи могут парализовать любую акцию. Однако исключить их можно только на уровне ЕС.

В заключение несколько слов о том, каким станет Европейский Союз после создания системы внутренней безопасности. Следует отметить, что Европейская политика в сфере безопасности и обороны нацелена на решение внешних задач, прежде всего на участие в миротворческих операциях.

Организация общей обороны в военном смысле возможна (Трактат о Европейском Союзе и Трактат, устанавливающий Конституцию для Европы, предусматривают эту возможность), но в краткосрочной и среднесрочной перспективе это маловероятно. Политика в сфере обороны большинства членов ЕС, связанных одновременно союзническими обязательствами Североатлантического пакта, долго еще будет признавать НАТО и союз с США слишком важными для того, чтобы подвергать его «конкуренции». Немаловажное значение имеют также сомнения нейтральных евросоюзных государств. Наконец, есть и соображения технического характера – интеграция (стандартизация) в военной сфере и в сфере производства оружия развивается крайне медленно. Пройдет еще много лет, прежде чем какой-нибудь новый «план Плевена» будет иметь шансы на успех. Сотрудничество, состоящее в унификации и совместном создании фонда прививок, таким образом, на практике может оказаться более легко реализуемым, чем стандартизация и складирование амуниции. Так же, как гораздо легче будет решить, кто по поручению ЕС будет осуществлять надзор за запасами противогазов, чем за ядерным потенциалом. Таким образом, готовясь – почти незаметно и без необходимости увеличения расходов на оборону – к предотвращению и отражению атак с применением оружия массового поражения (СВР) со стороны неправительственных субъектов, ЕС может превратиться, хоть и через черный ход, в современный институт совместной обороны. И при этом не конкурируя с НАТО.

Эдыта Посель-Ченсьчик